

ОТЗЫВ

**официального оппонента – доктора филологических наук, профессора
Шульженко Вячеслава Ивановича - о диссертационной работе
Свитенко Натальи Вячеславовны**

**«Художественная аксиология отечественной прозы для подростков
второй половины XX - начала XXI века», представленной на соискание
ученой степени доктора филологических наук по специальности
5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации,
Краснодар, 2024**

Диссертация Н. В. Свитенко изложена на 372 страницах текста, четко структурирована: помимо введения и заключения включает пять разбитых на параграфы глав, библиографический список литературы состоит из 430 наименований.

Важнейшим маркером научной актуальности данной работы является ее, в целом, нечастая для филологических исследований, бесспорная, глубоко внутренне переживаемая автором социально-культурная своевременность, комментировать которую в контексте поистине тектонических сдвигов, происходящих в общественном сознании последних лет, думается, следует по-особому. И дело, оказывается, даже не столько в самом материале исследования, сколько в не покидающем в процессе чтения диссертации чувства собственной сопричастности, гражданской, пусть простят высокопарность, озабоченности рассматриваемых Н. В. Свитенко, казалось бы, сугубо научных проблем. Причем это не нагнетается риторическими средствами публицистического стиля, оно органично вырастает из художественной онтологической реальности современной подростковой прозы, из формирующих ее смысловой каркас ценностных оснований.

Введение, отличающееся четкой постановкой отправной проблемы, также примечательно конкретностью и четкостью принципов исследования, которые, будучи представленными в определенной последовательности, оставляют стойкое ощущение некоей пролегомены. В ней первым таким принципом, определяющим новизну работы, становится констатация единства художественной и дидактической компоненты, с акцентом на универсальной значимости аксиологического аспекта. Мы специально подчеркиваем данное обстоятельство, так как за последние два десятилетия из качественных литературоведческих работ практически исчез даже намек на особую значимость художественной аксиологии, с помощью которой читатель и приходит, собственно, к пониманию смысла произведения. Судим об этом по критическим отзывам, посвященным ставшей весьма заметной в последнее время литературе о волонтерстве (А. Клепикова, Катя Чистякова, Д. Проданов, Мршавко Штапич), близкую по своим нравственным аспектам подростковой литературе, но далекой от самого понятия «аксиологическая логика», во многом определяющего еще один признак качества научной новизны работы, специфику личного «исследовательского» сюжета Н. В. Свитенко.

Следует подчеркнуть, что с научно-содержательной точки зрения описание каждого из традиционно-нормативных компонентов Введения содержит неременный элемент новизны, расширяющий привычное поле литературоведческого тезауруса. Скажем, формулировка уже из вступления ставшей совершенно очевидной актуальности темы исследования принятого в литературоведении названия «проблемно-тематический подход» изменен на «кластерный», что представляется более оптимальным, учитывая специфику объекта исследования. И не только. Предложенная парадигма «кластерный и инвариантный» сняла былую асимметрию указанных понятий в исследовательском дискурсе, восполнив тем самым, трудно это оспорить, лауну в отечественном литературоведении. В этом же фрагменте текста нам показался важным как аргумент актуализации лаконично

сформулированный системный принцип работы — качественная сборка «большого объема материала в условиях ограниченного времени». Сколь тотально неоспоримым, фатальным стал для каждого из нас этот признак, который легко распространить едва ли не на все аспекты нашей профессиональной деятельности, ибо кто из нас не испытывал потрясения от несоизмеримости объема информации и ограниченной способности человека к ее освоению! Необходимость качественной интерпретации материала с минимальными смысловыми потерями, его редукцией и архивацией становится едва ли не правилом повседневной жизни. Несколько опережая, нам видится в этой «сборке» и одно из прагматических достоинств диссертации.

Другим принципиальным моментом является корректировка термина «подростковая литература», общего мнения по возрастным параметрам которой у современных специалистов нет. Диссертант совершенно справедливо, на наш взгляд, утверждает в качестве ее основного критерия проблемно-тематическую и аксиологическую адресацию подростку. При этом особо оговаривается важность не только мастерства писателя, но и понимание не умозрительно-сконструированного, а истинного «идеала, продиктованное ценностными ориентирами писателя, духовной «арматурой» его бытия» (С.6).

Совершенно своевременно — и не только с точки зрения актуальности — здесь же соискательница оговаривает особое значение слова в подростковой литературе, напоминая о знаменитом перифразе С. Я. Маршаком К. С. Станиславского: «писать как для взрослых, только лучше». Она подчеркивает важность виртуозного владения детскими писателями «нестилевым» словом, «которое внешне равно самому себе — и одновременно намного больше», ибо тесно связано с воплощением психологической константы в современной литературе для подростков. Пресловутая литературная условность в таком случае не исчезает вовсе, но оказывается преодоленной благодаря языку человеческих чувств. Отсюда

«нон-стоп» авангардной стилистике и усложненному языку в детской литературы, ибо его цель не камуфляж смысла, а его раскрытие, «и потому он требует не расшифровки, а совсем иной интеллектуальной деятельности — *понимание*» (В. Я. Линков). Именно в этом и проявляется, по Н. В. Свитенко, вынесенное в заглавие диссертации сочетание «художественная аксеология», превращающая юного читателя в не столь, к сожалению, модного сегодня «дешифровщика текста», а в самопознающую личность, открывающую окружающий мир.

Нам также импонирует высказанная диссертанткой без всяких оговорок педагогически выверенное, да и профессионально-нравственное отношение к советской детской литературе. Автор отказывается воспринимать ее как «официозно репрессивную», «идеологически нормативную», якобы имеющую «массу табуированных тем и замалчивающую проблемы насилия». Избранный Н. В. Свитенко ракурс видения объекта исследования позволяет ей уже во Введении заявить о научной правомерности сопоставления «онтологической» состоятельности художественных миров советской и постсоветской литературы, о наличии в лучших произведениях обоих периодов инвариантных качеств, объединяющих талантливую детскую литературу.

Как бы подтверждая основной тезис об актуальности, в разделе о степени разработанности проблемы упомянуто — непривычно и знаково — немного имен с лаконичной характеристикой вклада двух основных предшественниц — М. И. Мещеряковой и Т. И. Михалевой. Такой же пролонгацией актуальности можно считать и последующую констатацию упомянутой новизны исследования, которая, как нам представляется, здесь приобретает очертания некоей формулы предстоящих в дальнейшем аналитических процедур. Целеполагание последних есть разработка концептуально-терминологического аппарата для описания аксиологической сферы текста в органичной взаимосвязи с эстетической ценностью художественного высказывания. Тем самым Н. В. Свитенко берет на себя

бремя решения не только одной из важнейших во всей истории нашей науки задач, но и стремится оказать максимальное содействие своим многочисленным коллегам в самом процессе преподавания и обучения детской литературе, находящемуся сегодня, надо признать, в серьезном кризисе.

Отмеченное органичное двуединство диссертационного исследования предопределило четкую дифференциацию объекта исследования - «художественная онтологическая реальность», предмета - «ее ценностно-онтологическая архитектоника» и материала, в который вошли тщательно отобранные диссертанткой произведения, охарактеризованные как «самосодержательные» и «самодостаточные».

Столь тщательный отбор позволяет максимально эффективно достичь цели работы, состоящей «в выявлении аксиологического семиозиса как этической категории художественного», включающей ряд релевантных задач.

Что касается методологии исследования, то диссертация созвучна актуальным научным представлениям, базируется на ценностно-онтологическом подходе, опирающимся на концепцию «художественной целостности» (М. М. Бахтин, Е. В. Хализев), столь активно сегодня отстаиваемой В. И. Тюпой в противоборстве с «новыми теоретиками» из «Транслита». Причем очевидно предпочтительную для диссертантки доминанту онтологического по отношению к эстетической стороне не следует воспринимать как нечто противопоставленное художественному слову. Напомним, речь идет о детской, более того, подростковой литературе, в анализируемых произведениях которой аксиологический подход достигает статуса универсального. Его полноточность постоянно объективируется автором благодаря ссылкам на инструментарий историко-типологического и сравнительно-психологического методов.

Структурно-семантической базой для Н. В. Свитенко становится учение В. И. Тюпы о типологии модусов сознаний. Ученый, если коротко,

выделяет по примеру фукоианских эпистем в каждой исторической эпохе определенные «модусы ментальности», или «состояния сознания», доминанта которых определяется системой ценностей индивида. Автор работы вслед за специалистами по нейрофизиологии, доводя этот постулат до конца, соотносит эти четко дифференцируемые модусы с типологией стадийного развития сознания человека, в силу чего каждый из модусов коррелируется с определенным возрастным периодом жизни человека: младенчеством, детством, отрочеством, духовной зрелостью. Сопряжение данных концепций в общем методологическом инструментарии рецензируемой работы функционирует в русле научных поисков русского физиолога А. А. Ухтомского о доминанте соединения ментального и нейрофизиологического подходов в исследовании сознания человека.

Отдельного упоминания заслуживает довольно полно изложенная теоретико-методологическая основа диссертации, в которой автор уточняет принципы собственного подхода к теме. Если коротко, то он основывается на традициях гуманитарного познания, где приоритетом является человеческая сущность в контексте столь сегодня актуальной проблемы соотношения традиции и новации. Это особая ценностно-онтологическая парадигма, структурно сопрягающая достигнутое на предыдущих этапах познания (традиция) и качественно новую атрибутику научного концептуального аппарата (новации). Такое синергетическое взаимодополнение и взаимопроникновение становится основой аналитических тактик в работе.

Если же давать в целом оценку свособразию методолого-методической базы диссертации, то следует отметить присущую ей онтологическую целостность, стремление осмыслить единство мира через связь мировоззрения с аутентичным ему мироустройством. Его содержательно-смысловым ядром выступает подростковая литература, рассмотренная автором как самоуправляемая конструкция. Однако её пониманию в работе присуща, позволим так себе выразиться, всеобщность мышления, без

присущего нашему времени игнорирования детерминизма и диалектики и увлечениями различиями, что обеспечивает исследованию столь не достававшую прежде данному сегменту словесности фундаментальность.

Основная гипотеза исследования сводится Н. В. Свитенко к констатации мысли о том, что подростковой прозе присуща своя собственная художественная парадигма, обладающая онтологическим статусом и включающая совокупность различных идей и представлений. Одновременно она обладает собственной художественной аксиологией, репрезентующей особую картину мира подростка, созданную творческой рефлексией автора - «субъектом креативно-онтологической инициативы» (О. Р. Минуллин).

Научная состоятельность этой гипотезы покоится на целом ряде получивших в ходе исследования аргументированное обоснование положений, которые и выносятся на защиту. Эти положения касаются самых разных аспектов подростковой литературы, одновременно концентрируют и манифестируют степень ее изученности и научной разработанности в широком междисциплинарном контексте на сегодняшний день. Обозначим их чисто в тезисном плане, позволяющим, тем не менее, составить ясное представление о глубоком понимании Н. В. Свитенко идей и текстов, появляющихся в параллельных науках. Во-первых, репрезентированный в литературе кризис переходного возраста есть, по сути, позитивный феномен, ибо создает возможность альтернативного выбора личностного развития подростка в соответствии с доминирующей системой ценностей; во-вторых, сюжет инициации подобен стадии преобразования, смысл его в обретении нового уровня, где обретаемая ответственность связана с одновременным отказом от инфантилизма, то есть с взрослением; в-третьих, в связи с этим меняется функциональная направленность сюжета - из внешне воспитательного он трансформируется в онтологический, где главное определяется сменой картины мира и системы ценностей; в-четвертых, применение ценностно-онтологического анализа позволяет

увидеть глубинные основания, объединяющие подростков и взрослых советского и постсоветского периодов, противопоставляемых друг другу в работах современных литературоведов; в-пятых, «интуиция совести», «закон заслуженного собеседника», этос ответственности, «Другой как Друг» - главные максимы, которым одинаково твердо следуют герои-подростки и «положительно-прекрасные» персонажи отечественной литературы, приобретающие в координатах ценностной системы конвергентного сознания доказательство своего аксиологического единства; в-шестых, у героев - носителей конвергентного сознания - ощутимы ценностные связи с праведниками Н. Лескова и Ф. Достоевского, архетипический генезис которых отсылает к семантическому «коду» Христа; в-седьмых, «бытие-с-другими-людьми» - вот важнейший принцип проживания жизни для обладателя конвергентного сознания, который обозначается как «со-бытие», как и другие этические ценности, непременно с приставкой «со»: сотворчество, соприкосновение, сопричастность, соединение, созвучие, соратничество, содружество, соборность, сорадение; в-восьмых, инструментом в психоисторических войнах памяти стала новейшая российская историческая проза для подростков, основные образцы которой представлены так называемыми «эго-документами», есть не что иное, как «реванш ressentimenta», одержимая страхом, обидой, ненавистью, символической мстью советской власти; в-девятых, такие произведения о «трудных периодах отечественной истории» для подростков отражают коллаборационистские ценности, строятся по единой формально-содержательной модели с готовым набором базовых идеологем с доминированием среди них комплементарности советского тоталитарного режима тоталитарному режиму нацистской Германии, функция которой в текстах отводится таким паратекстуальным феноменам, как предисловия, комментарии и послесловия; в-десятых, если новая историческая проза занимается активной реконструкцией прошлого, то новая этика стремительно осваивает другое пространство - литературу о будущем, с неременной идеей

футуроцида, разрушающей национальную картину мира в сознании подрастающего поколения, противодействием которой является ценностно ориентированная литература, ставящая читателя-подростка перед необходимостью осмысления судеб Родины, уникальности собственной ментальности, своего места в мире.

Каждое из этих положений имеет в тексте диссертации свое место презентации, свою территорию анализа. Однако складывается впечатление, что «призрак» каждого из них витает над каждой страницей, что, на наш взгляд, является признаком целостности работы, ее системно-структурной обоснованности, о чем мы скажем ниже, обращаясь к точечному анализу диссертационных фрагментов для обоснования и подтверждения достоверности сформулированных выводов и рекомендаций.

Сам факт выделения в любой из титанических литератур, существующих в мире, подросткового сегмента связан с феноменом отрочества. С его осмысления и начинается исследовательская часть диссертации, первая глава которого - «Феномен отрочества: между телом и духом» - во второй части названия содержит известную, но не теряющую от этого своей интриги дуалистичность. Декларация этих двух концептов в таком сочетании имеет в целом для всей работы, для каждой из ее глав и для каждого из выносимых на защиту положений, учитывая онтологический характер исследования, мировоззренческое значение.

Не случайно, уже в самом начале главы подчеркивается особая значимость в переходном возрасте бурно протекающих как ментальных, так и физиологических изменений, связанных с преодолением «конфликта между физической зрелостью и социальной инфантильностью» (С. 35). Возникающий при этом диссонанс способствует появлению аффективного «чувства взрослости» (термин Л. С. Выготского), порождающему всем известную конфликтность в отношении значимых взрослых.

Такие высказывания о природе противоречий мышления подростка подкрепляются ссылками - и это одно из важнейших свойств авторской «методы» - на современные исследования механизмов работы головного мозга, связанные с его лимбической системой, регулирующей поведение на инстинктивно-гормональной базе, и основанном на ней противостоянии «первичного» и «вторичного» типов сознаний. Стало гораздо яснее место «третичного» сознания в формировании личности подростка, роль неокортекса в развитии «абиологической» кортикальной креативности и «трансцендентной» системы ценностей, детерминирующая поведение человека (Савельев, С. 89).

Благодаря им существенно увеличивается доказательно-смысловой потенциал междисциплинарного подхода, но в данном случае главное не это — заметно расширяется и углубляется понятийная база диссертации, способствующая достижению конечной цели Н.В. Свитенко — открытию в литературоведческих изысканиях подростковой прозы неведомых прежде контекстов, определяющих самобытность художественной аксиологии произведения, способствующих созданию авторской картины мира и объясняющих природу читательского интереса к ней.

Так, размышляя о кризисе идентичности, под которой в психологии подразумевается представление человека о самом себе, идея «себя» как уникального существа, соискательница возвращается к ныне основательно забытой, но не потерявшей актуальности, повести Ю. Вяземского «Шут» (1982). Начальное психологическое восприятие характера ее героя Вали Тряпичникова как парадокса позволяет затем увидеть в нем в культурологическом смысле воплощённый архетип трикстера, наделенного тремя патронажными ипостасями. Но особый интерес именно с литературоведческой точки зрения представляют обнаруженные диссертанткой в тексте произведения семантические трансформации этих ипостасей. Благодаря им осуществляется переход из «низовых» жанров в роман и определяется особенный тип повествователя-рассказчика с галереей

«трикстерных» типажей – «чудака», «аутсайдера», «чужого». Пусть они по фактуре и различаются довольно заметно друг от друга, но онтологическая близость определяется автором вполне убедительно в силу принципиальной амбивалентности, «несинтезируемой двойственностью архетипического ядра образа» (С.52).

Одновременно творческое препарирование сложными психологическими понятиями позволяет Н. В. Свитенко талантливо обнаружить ранее не обращавшую на себя внимание, но чрезвычайно значимую в историко-культурном смысле взаимосвязь произведений подростковой прозы советского и постсоветского времени с русскими классиками. Так, того же героя «Шута» диссертантка вполне правомерно сравнивает с «подпольным парадоксалистом» Достоевского, в то же время талантливо дешифрует одно из его правил в контексте этического постулата Лиса из «Маленького принца» А. Сент-Экзюпери.

Болезненный кризис идентичности переживает и героиня романа Владислава Крапивина «Семь фунтов брамсельного ветра» - типичная представительница литературных хулиганок или «трудных» подростков. Она напоминает и Таню Выюник из «Гонения на рыжих» Юрия Яковлева, и Дубравку из одноименного рассказа Радия Погодина. Автор работы убежден, что их родство произрастает из общей трикстерной природы, но наличие «хулиганского» гена не превращает девочек в лиминальных персонажей, как это было у Ю. Вяземского, благодаря гомогенности их ценностно-смыслового ядра. Прохождение героинями инициационного периода, сопряженного с множеством конфликтных ситуаций, позволяет, тем не менее, автору вполне обоснованно сравнить их с праведниками Достоевского и Лескова, а нам определить их как носителей третичного сознания, весьма немногочисленных на земле. Как правило, они не востребованы обществом, неокортекс используется ими не для бездумного выполнения бессмысленных заданий начальства, они не угождают ему, не стремятся занять «место под солнцем».

Ценностная система этих хороших «плохих» девчонок исключает трансгрессивные переходы, а их трикстеризацию, делает вывод Н. В. Свитенко, не стоит воспринимать симптом отклонения от правильного пути. Скорее, перед нами реализация художественного приема «оптимизации» персонажа, которая заметно усложняя структуры образа, отказывает ему в одномерном морализаторстве и жесткой дидактике. В этом смысле было бы неплохо проследить связь между трикстеризованными героинями и появляющимися впоследствии трансцендерами Маслоу.

В этой же главе есть еще один примечательный своими междисциплинарными потенциями параграф, в котором автор начинает важный в дальнейшем на всех этапах работы разговор о связи психологии с такой фундаментальной категорией художественной литературы, как жанр. Начинает с мысли Ф. Гиренка о «кризисе четырнадцати лет», который философ называет временем обращения к «я» как «языковому костылю»: «Это кризис самости без «я». «Я» берет под контроль самость. Начинается история человека как вербального автомата. Грезы у него остаются только в сновидениях. Его спонтанность становится контролируемой словом» (Ф. Гиренок).

Иными словами, это время создания «личного мифа», под которым понимается «история, которую подросток рассказывает себе о себе же самом, но которая не является правдой» (Р.Е.Обухова). В этой тяге к вымыслу проявляется, считает соискательница, эгоцентрическая доминанта переходного возраста, ярче всего зафиксированная в жанре личного дневника, который становится наиболее адекватной формой самопознающего дискурса. В повести Л. Романовской «Удалить эту запись?» отмеченное, действительно, выглядит вполне естественно, ибо, будучи рефлексивной формой, дневник отражает внутренний мир подростка, в котором борются желание самовыражения и желание самопрезентации.

Во второй главе («Метасюжет инициации и его паттерны в прозе для подростков») автор весьма интересно размышляет об архетипических

особенностях сюжета инициации, являющегося в подростковой литературе, в конечном счете, стержневым с точки зрения становления личности, приобретающим, и здесь трудно возразить Н. В. Свитенко, устойчивые признаки метасюжета. Она также неоднократно по ходу своего исследования напоминает о главном принципе своей работы, предполагающим не полное описание психологических сторон того или иного ритуального обряда, той же, скажем, инициации. Гораздо предпочтительнее в данном случае - фиксация и обнаружение основных дефиниций в историко-культурном функционировании ритуала, его место в структурной организации современного произведения. То есть решается задача проанализировать, что из этих «базовых радикалов» в сюжете инициации достойно внимания в аксиологическом аспекте и как это трансформирует ценностные ориентиры литературных героев, а значит, в художественном смысле манифестирует и смену ценностной парадигмы.

Итог этой процедуры получает в работе название «семиозиса инициационного комплекса», которым, по сути, и определяется «арматура» сюжета всех наиболее известных произведений подростковой литературы советского времени — от «Дикой собаки Динго ...» Р. Фраермана до «Парусов Эспады» В. Крапивина. Что же в таком случае характерно для подростковой литературы постсоветского периода? Во-первых, диссертантка отмечает, опираясь на работы коллег-психологов, редукцию стадии инициации и максимальное смягчение инициационных практик. Это сказывается в снижении «градуса» трансцендентного в современных подростках, утрате неких форм бесстрашия как готовности к ударам судьбы, выбор конформистской позиции. То есть дети, выросшие в условиях доминирования ценностей общества потребления, сильно изменились по сравнению с их советскими сверстниками — их подростковый экзистенциальный запрос невысок: гипердостаток и слава.

Самое интересное, как отреагировала на это литература. Детские писатели, доказывает Н. В. Свитенко, словно компенсируют эту ущербность,

выстраивая сюжеты инициации максимально приближенные к архаичным, возвращая юного читателя из виртуальной реальности в природную: первая охота («Ворон» Е. Рудашевского), экспедиция на север, к берегам Баренцева моря («В поисках мальчишеского бога» Д. Ищенко), реальная борьба с хтонической сущностью («Убыр» Ш. Идиатуллина). Современный герой подростковой литературы выходит на «ристалище» встречи с усложняющейся реальностью.

Мы уже не раз подчеркивали междисциплинарный характер исследования, отмечали гармоничный синтез литературоведческих и психологических начал в работе. Во второй главе автор предстает ученым-педагогом, осмысляющим дидактические черты нынешней подростковой литературы. Сегодня, как никогда, обострилась проблема опыта, поэтому диссертантка специально отстаивает роль литературы, которая, обращаясь к эмоционально-чувственной сфере, способна произвести в ней изменения и позволяет приобрести опыт, который не был пережит в реальной жизни.

Психолого-художественный феномен инициации глубоко и всесторонне проанализирован Н.В.Свитенко с двух ракурсов. Во-первых, с точки зрения нравственного выбора, сопряженного со свободной волей и перед лицом Другого. Нередко этот выбор совершается в резкой конфронтации с окружающим обществом, служа примером самодостаточности личности.

Во-вторых, автор настоятельно рекомендует не упускать из виду связь чувственного и рационального в человеке. Чувственное вообще не отделимо от нравственного, равно как и эмоция есть отражение эмпатии, позволяющей войти в мир переживаний Другого. С этих позиций диссертанткой исследован раритетный в истории советской детской литературы сборник рассказов «Поступок», куда вошли произведения для младших подростков таких известных писателей, как А. Раскин, Р. Погодин, Б. Алмазов, В. Голявкин, В. Железников, Ф. Искандер, В. Попов и другие. Здесь особенно проявляется талант диссертанта как опытного педагога, высоко ценящего

ценность книги для ребенка за возможность, прежде всего, самому «прожить» произведение, примерить изображенные в нем коллизии на себя, к своей жизни, наложить на свой личный опыт. Именно в этом состоит главное достоинство рассказов А. Раскина «Как папа охотился на тигра», Б. Алмазова «Лягушонок», М. Борисовой «Предыдущий чокнутый» В. Голявкина «Гора», В. Лебедева «Петькин день». Другой аспект, касающийся диалектики внешнего и внутреннего, рассмотрен через проблему нравственного выбора в аспекте личностного самоопределения в рассказах А. Кирносова «Бранденбургский талер» и Я. Длуголенского «Два одинаковых велосипеда».

Очень емко исследована в третьей главе («Между эго и стереотипом: «взрослые» и их ценностный выбор в семье и школе) проблема свободы, дифференцированная автором из множества ее видов как деструктивный фактор, как «свобода-от» (свобода от какого бы то ни было внешнего угнетения и принуждения), делает взрослых угрозой для детей. Прежде всего, в условиях нуклеарной семьи, состоящей только из родителей и детей. Именно в этой семье, как известно, все определяется идеологией индивидуализма, что порождает множество конфликтов, которыми заполнена современная подростковая литература. В ней, естественно, не обходится без развода родителей, но он не приобретает характер остросоциального явления, как это было, напомним, в контексте «Зеркала» у Тарковского. Скорее, он в художественном произведении играет роль болезненного фона «беззащитной юности», чаще всего с ощущением острого «дефицита» отцовства. Также анализируются произведения, в которых родители, в общем-то, присутствуют, но часто из-за их инфантильного сознания семья предстает территорией человеческого безучастия, где нет любви и поддержки. Не то, напомним, что было прежде в той же гайдаровской прозе, с присущей ей «соборным» единением отца и ребенка (хотя, справедливости ради, не будем забывать и о «Голубой чашке»).

Мы с самого начала обратили внимание на уникальное свойство автора диссертации совершать открытия. Ее работа богата ранее не отмечавшимися связями и параллелями, насыщена меткими наблюдениями, предельно конкретны сформированные выводы и обобщения. Здесь эта способность предстает в виде интересного наблюдения Н.В. Свитенко, доказывающей, что в сюжетном инварианте повести «Тринадцатый год жизни» С. Иванова, построенной на разводе родителей, очевидны основные признаки инициационного мифа. Причем функция наставника выполняется самой рефлексирующей тринадцатилетней героиней, вынужденной взять ее на себя ради обретения нового статусного уровня.

Кстати, свойственную подростковому сознанию рефлексии диссертантка справедливо полагает основной причиной интереса юных читателей к повествованиям «кризисного типа». Но читатель-подросток, что раскрывается в одном из положений, совсем не равнодушен и к поиску новых форм художественного обобщения, и к использованию экспериментальных сюжетно-композиционных конструкций, благодаря чему, собственно говоря, и становится возможным приобретение им современного социального опыта, дефицит которого столь зримо присущ молодому поколению.

Оставаясь верной принципам конвергентности, реализация которых невозможна без диалогического сознания, автор диссертации всю четвертую главу специально посвящает анализу его аксиологем, самым серьезным образом определяющих художественную сторону детской литературы. Базой ее рассуждений — и это одно из «больших» по нашей классификации открытий Н. В. Свитенко — становится своеобразный метод «наложения» типологии уровней сознаний героев (с семантическим резонансом «трансперсональной психологией» А. Маслоу, «синергичной антропологией» С. Хоружего, «ноосферным гуманизмом» И. Борзенко, «философией здравого смысла» братьев Гагаевых и др.) на классификацию модусов сознаний, предложенный В. И. Тюпой в ряде своих работ. Не имея возможности даже

тезисного изложения нейрофизиологических аспектов этого уникального междисциплинарного исследовательского прецедента, нельзя не констатировать, что он оставляет ощущение обстоятельности, логичности и аргументированности в качестве некоей пресуппозиции, используемой в качестве логического доказательства автором работы. То есть предшествующее собственно литературоведческому анализу описание конвергентного сознания с его семиозисом и ценностными ориентирами презентуется как одна из эффективных мотивационных предпосылок для оценки поведения и поступков персонажей в избранных произведениях: в трилогии «Паруса Эспады» и «Рыжее знамя упрямства» В. Крапивина, романах Ю. Яковлева («Гонение на рыжих») и М. Петросян («Дом, в котором...»). Все они выступают носителями диалогического сознания, отчего и названия параграфов этой главы содержат указания на конвергентные «максимы» такие, как «синергичная антропология», «другой как Друг», «интуиция совести», «соборное бытие», «закон “заслуженного собеседника”» и даже «семантика фрактальной спирали», которая также определяется ценностным ядром, входящим в диалогический модус ментальности. Именно благодаря им создается возможность для применения ценностно-онтологического анализа. Кроме того, на них, что особенно важно, базируются основные аксиологемы, формирующие «этос ответственности», как справедливо утверждает автор, стержневой для подростка. И далее следует, пожалуй, констатация главного смысла и феномена вообще подростковой литературы, крайне важный в наших сегодняшних попытках вернуться к традиционным ценностям: «<...> не пестование уникальной идентичности делает человека личностью, не фанатичное отстаивание личностной свободы от правил, запретов, требований, не охранительство своего инклюзивного «я», а желание и воля тратить энергию этого «я» на то, что любишь больше себя. Чтобы «стать и пребывать самим собой», нужно перенести проблему «я» в другую плоскость: мое «я» — инструмент, способ и сила для созидания того, что я

люблю, того, что делает меня счастливым». В этих словах формула «схватывания» целого, видение «онтологии персонажа как возможной формы проживания для юного читателя» (С. 294).

Обзор завершающей – пятой – главы («Национальный культурный код и ценностная позиция автора в литературе для подростков») начнем с констатации ее вывода, имеющего, судя по всему, принципиальное значение для автора работы: «Еще раз отчетливо сформулируем: в отечественной истории на сегодняшний день нет запретных тем, но есть – сложные. Художественность в литературе – это отбор. Основание для отбора – ценностная позиция автора. Критерий художественной репрезентации сложных тем в детском и подростковом литературном сегменте – талант» (С.320). Главные концепты в этом высказывании – «ценностная позиция автора» и «талант», отсылающие к проблемному полю аксиологии художественного литературного творчества. Она обязана своим появлением «онтологическому повороту» в гуманитаристике, возвращающему субъекту творчества гадамеровскую «упорядочивающую духовную энергию», которая, как нам видится, имеет колоссальное значение для автора диссертации. Опора на нее позволяет соискательнице выйти «из сферы эстетики в сферу онтологии и философской антропологии» (О. Миннуллин). Для этого автору произведения, выступающему в роли субъекта, необходимо не только пережить то, что Т. Касаткина называет «совокупным опытом человечества», но и фундировать в творческом акте сам смысл творчества.

С позиций этого набирающего в последнее время силу литературоведческого направления Н. В. Свитенко анализирует произведения ряда писателей, ценностные позиции которых встречают резкое несогласие соискательницы. Диссертантка, опираясь на многочисленные примеры, называет их «либеральными», ибо апеллируют они к мифологемам, которые ключевые эпизоды отечественной истории переосмысливают таким образом, что прошлое представляется таким «злокачественным» империализмом, автократией, антидемократизмом,

породившими «бескультурье и варварство». В первую очередь это касается произведений, в которых происходит настоящий «слом» национального культурного кода, использующих так называемую «технику “управления прошлым”». Главным образом, это касается современной исторической прозы, связанной с событиями Великой Отечественной войны (в них отныне превалирует не героика, а трагедия) и сталинских репрессий, в описаниях которых сегодня предпочтение отдается чистой физиологии вместо былого патриотизма. В ней особо преуспели нередко широко поддержанные критикой М. Козырева («Девочка перед дверью»), Е. Ельчин («Сталинский нос»), Ю. Яковлева («Дети ворона»), О. Громова («Сахарный ребенок» и «Вальхен»), О. Колпакова («Полынная елка»), Ю. Виле («Сибирские хайку»). Коронный жанр многих из них является, по сути, гибридом художественной прозы и литературы факта, выполняющим, скорее, роль эмоциональной провокации, где рефлексирующий взрослый хитро скрыт детским нарративом. Такая своеобразная маскировка библейского постулата: «устаи младенца глаголет истина». Аполлогетика подобного рода достоверности вызывает справедливое неприятие Н.В. Свитенко, которая именно в этой главе талантливо и аргументировано опровергает чрезвычайно завышенные оценки названных произведений российской критикой, одновременно ведя полемику с зарубежными исследователями (например, с авторами монографии «Прощание с коммунизмом: детская и подростковая литература в современной России (1990–2017)»). Эти фрагменты пятой главы особенно убедительно противостоят попыткам перекодировки отечественной истории на уровне когнитивных матриц, «инструментом» которой выступает по воле ее авторов детская литература.

Серьезным научным вкладом следует считать сделанные Н.В. Свитенко наблюдения и выводы о структурных особенностях таких произведений (например, «представляют собой кластер готовых повествовательных блоков и апробированных стиливых клише», «используют паратекст как технологию разрушения матрицы исторического

сознания», «определяют демонизацию и гротеск основными способами представления советской семиосферы»). Особенно ценным является обнаружение того, что «В дни войны» Р. Нератовой есть, по сути, в аксиологическом аспекте прецедентный текст для активно издаваемой и переводимой прозы раскрученной критикой О. Громовой.

Произведениям «либералов» автор диссертации противопоставляет повесть Э. Веркина «Облачный полк», представленную как пример аксиологического осмысления роли истории Отечества, в которой культурно-героический национальный код выступает в виде синтеза культурно-исторических и онтологических ценностей. При этом соискательница рассматривает творчество героя повести - художника-визионера Ефима Честнякова в широком мифо-философском контексте, который, думается, и есть образец анализа приоритетной для диссертации «онтологической конституции эстетических феноменов» (С. Лишаев).

Тексты новой исторической прозы часто объединяют в одно общее советский тоталитарный режим и тоталитарный режим нацистской Германии. Из-за абсурдности самой идеи ее воплощение передоверено таким уже выше упоминавшимся паратекстуальным формам, как предисловия, комментарии и послесловия. Эта проза построена на подмене художественного модуса документальным в провокационном желании убедить читателя в ее подлинности в противовес советской литературе, выступающей якобы главным источником массовой мифологии. По сути, имеем дело с типичной беллетристикой, корректирующей «исторические факты в «ручном» режиме» (Н. В. Свитенко), открывающей «шлюзы» для инкорпорирования в современную подростковую прозу коллаборационистских ценностей и упомянутого футуроцида, собранному, по ее точному определению, на «фабрике» глобализма.

Вот почему так важна сегодня ценностно ориентированная литература, выступающая в качестве элемента национальной «онтологической обороны», «способная, - цитируем диссертантку, - по воле автора вывести

читателя-подростка на уровень осмысления национального самосознания, — размышления о родине, ее судьбе, ментальности русского человека, его психологии и метафизике» (С.323).

Сказанное выше свидетельствует об оригинальности, глубине интерпретации и актуальности проблематики диссертации, о междисциплинарной широте исследованного материала, его теоретической значительности и практической значимости для самых разных групп филологов, внимании автора к методологическим аспектам очень важного сегмента современной отечественной литературы, онтологическом подходе к специфике исследуемого предмета, стремлении решать вопросы на обширном историко-литературном материале. Внутреннее единство работе придает еще один ее исходный момент: убежденность автора в радикальных изменениях в восприятии сознания подростка, вызвавшие кардинальные изменения в способах его художественного воплощения.

Разумеется, не стоит забывать о чрезвычайной важности конкретных сопоставлений в работах такого рода, то, насколько линии традиции между советской и нынешней подростковой литературой выглядят точными и убедительными. И потому правомерен вопрос о роли нейрофизиологии во взаимодействии реальных бытовых и эстетических систем, насколько такой синтез эффективен в любых случаях? Кроме того, нам кажется, что внося в название работы слово «отечественная», автор подразумевает «российская», что предполагает включение в материал исследования произведений современной хотя бы русскоязычной литературы (из советских авторов того же Ф. Искандера или Ч. Айтматова, а из постсоветских Р. Гаджиева, М. Ахмедову, А. Черчесова, А. Хабишева, А. Умарову, И. Ханипаева, Н. Абгарян). Несколько озадачивает отсутствие героини ставшей знаковой в десятых годах нового века повести Е. Некрасовой «Калечина-малечина», особенно в контексте разговора о «жертвах» в метасюжете инициации. И вообще с точки зрения перспективы: а не вырастит ли из школьной «жертвы» пресловутый «лишний человек»?

В целом интересная, новаторская диссертация Н. В. Свитенко безусловно заслуживает одобрения. Она наполнена идеями, которые «витают в воздухе», от которых зависит наше будущее, которое, как и прошлое, у нас пытаются отнять. В ней нашел удачное преломление серьезный профессиональный и исследовательский опыт автора, чьи опубликованные по теме диссертации труды, примечательные немалым духовно-интеллектуальным потенциалом, пользуются большим вниманием коллег, преподающих в педагогических образовательных учреждениях дисциплину «Детская литература», а также читающих курс устного народного творчества и истории русской литературы на филологических отделениях. То есть востребованность публикаций Н. В. Свитенко по теме исследования есть неопровержимый факт уже состоявшейся апробации его практических результатов.

Благодаря диссертации Н.В. Свитенко мы гораздо четче, нежели до нее, увидели контуры будущего целого литературоведческого направления. Оно связывается, прежде всего, с антропологическим подходом к предмету, в парадигматике которого литература воспринимается культурной практикой, коммуникативным обменом, порою совсем не просто устроенным диалогом. Столь всесторонне осмысленный диссертантом диалог обеспечивается взаимоприсутствием авторского и читательского сознаний, превращающихся в настоящий кладезь «познавательных способностей и возможностей человека» (Т. Кейв). Своей работой Н.В. Свитенко способствовала некоему сдвигу в восприятии литературного предмета, который по итогу оказался источником нового критического мышления. Этот сдвиг крайне востребован сегодня, ибо мы живем в мире постоянных изменений, столь регулярно потрясающих культурную, интеллектуальную, медийную сферу. Неслучайно, на протяжении всей работы она держит в памяти фигуру подростка-читателя, к процессам чтения и смыслообразования, которые сегодня переживаются иначе, чем в сравнительно недавнем прошлом. Предложенная в диссертации концепция

художественной аксиологии удивительно органично помогает исследовать проблему инаковости, обнаруживает ее прежде неизвестные метафоры, которые уже в представленном тексте вызрели в полезные концепты.

Диссертационное исследование «Художественная аксиология отечественной прозы для подростков второй половины XX - начала XXI века» имеет теоретическую и практическую значимость, представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842 (в ред. от 26.10.2023 г.), а его автор Свитенко Наталья Вячеславовна заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации.

23.09.2024

Официальный оппонент:

доктор филологических наук

(10.01.01 – русская литература), профессор,

профессор кафедры русской филологии и

литературного творчества

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный

университет»

Шульженко Вячеслав Иванович

Контактная информация: Шульженко Вячеслав Иванович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и литературного творчества ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»; 357 500, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект

